

идных вариантов, а потомки от коми-ненецких браков демонстрируют явный монголоидный сдвиг. Интересно положение по этим маркерам группы хантов, которые по одним признакам занимают промежуточное положение на европеоидно-монголоидной шкале, а по другим обнаруживают собственную специфику с мозаичной комбинацией частот. Система морфогенетических маркеров также демонстрирует некоторое расхождение в сходстве мужских и женских выборов: женщины групп хантов и ненцев оказываются более сходными, чем мужчины.

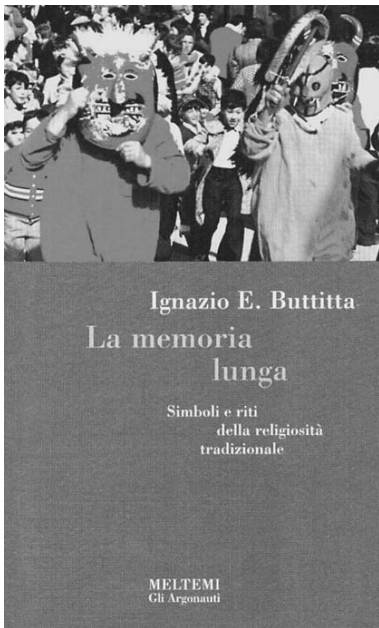
Книгу завершает аналитическое заключение и подробная библиография; несомненным ее достоинством являются качественные фотоиллюстрации.

При чтении монографии ощущается явная нехватка хорошей карты, поскольку первая схема на с. 7 приведена вне географического контекста и не пригодна в качестве иллюстрации очень подробных географических описаний, а на второй схеме (с. 59) отсутствуют географические названия.

В целом книга "Антропология коми" оставляет впечатление труда исследователей, неравнодушных к истории и судьбе этого народа. Результаты исследования коми, как, наверное, и результаты исследования любого другого российского этноса, убеждают читателя в невозможности разделить этнические судьбы народов, издавна населяющих Россию, древние генофонды которых переплелись, как корни старых деревьев, и уже трудно определить, от какого корня идут новые молодые и зеленые побеги.

ЭО, 2008 г., № 2

© М.Е. Кабицкий. Рец. на: *I.E. Buttitta. La memoria lunga. Simboli e riti della religiosità tradizionale*. Roma: Meltemi, 2002. 258 p.; *I.E. Buttitta. Il fuoco. Simbolismo e pratiche rituali*. Palermo: Sellerio, 2002. 212 p.; *I.E. Buttitta. I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa*. Roma: Meltemi, 2006. 288 p.; *I.E. Buttitta. Feste dell'alloro in Sicilia*. Palermo: Fondazione Ignazio Buttitta, 2006. 143 p., il.

В наше время распространения новых подходов классическое этнографическое исследование, изучение и фиксация традиционной культуры порой встречают пренебрежительное отношение как "немодные", недостаточно актуальные с методологической точки зрения. Это явление свойственно не только нашей стране, характерно оно, в частности, и для европейских стран. Между тем подобное отношение нельзя признать справедливым. Даже на таком, казалось бы, давно описанном и изученном пространстве, как Европа, остается еще поле для работы и даже необходимость в "неотложной этнографии", как говорил Франц Боас. Традиционная материальная культура в значительной части регионов выходит из живого бытования. Но сохраняются культура духовная, традиционные формы коммуникации и социабельности, праздники и обряды, которые дают немало стимулов и отправных точек для теоретических исканий и разработок. Неслучайно именно в русле изучения обрядов возникает в истории науки незаурядная фигура А. ван Геннепа, принесшая европейской этнологии авторитет и популярность дисциплины, в которой тоже возможны интересные открытия и методологические прорывы.

Одним из представителей молодого и активного поколения европейских этнологов является Иньяцио Эмануэле Буттитта. Родившись в семье, тесно связан-

ной с народной культурой (родители – этнологи и фольклористы, дед – известнейший сицилийский диалектальный поэт), он избрал сферой своих интересов народную религиозность и символизм традиций населения Юга Италии, проводит многочисленные полевые исследования на Сицилии, Сардинии, в Калабрии и на Корсике. Кроме того, возглавляя такие организации, как "Фолькстудио", Ассоциация по сохранению народных традиций, Архив этномузыкологии Средиземноморья, Фонд им. И. Буттитты, он ведет большую работу по сбору, обработке, сохранению и публикации фольклорно-этнографического материала.

Последняя из рецензируемых монографий, "Праздники с использованием лавра на Сицилии" (*Feste dell'alloro in Sicilia*), – в действительности одно из самых ранних исследований автора, начатое еще в студенческие годы. Оно дает представление о методике его работы. В "Праздниках" Буттитта ссылается на В.Я. Проппа (труды наших соотечественников В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева, А.Я. Гуревича – в числе постоянных методологических ориентиров автора): "Совершенно очевидно также и не требует никаких доказательств, что о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано" (*Пропп* 1998: 8). И описанию, точнее тщательной этнографической фиксации праздников и обрядов, в которых используется лавр, посвящена первая часть книги. Они регистрируются И.Э. Буттиттой по всей территории Сицилии, в том числе по его собственным полевым материалам, в исторической перспективе и в синхронном срезе современного состояния и иллюстрируются photographиями. Сводная таблица характеристик этих обрядов знаменует переход ко второй части: аналитической и интерпретативной.

Сильной стороной исследования можно считать то, что, не теряя из виду деталей конкретных этнографических проявлений, автор рассматривает их в широчайшем историческом (со времен "дафнефорий" древнегреческих колонистов Сицилии и даже с неолита) и этнографическом контексте (например, лавр нередко выступает в роли широко распространенного в Европе "майского дерева"), а также в аспекте их бытования и их символизма. В дальнейших работах последняя тема станет еще заметнее.

Книга "Огонь. Символизм и обрядовые практики" (*Il fuoco. Simbolismo e pratiche rituali*) является обобщением и интерпретацией этнографического материала по использованию огня в обрядовых действиях на Сицилии, собранного ранее и опубликованного в работе "Пламя святых" (*Buttitita* 1999). Таким образом, данная книга носит в основном генерализирующий и теоретический характер, при этом будучи построена по тому же принципу восхождения от частного к общему. В первой главе рассмотрена материальная роль огня в человеческой культуре. Вторая глава посвящена анализу многочисленных и разнообразных аспектов символизма огня в ритуалах разных народов, в первую очередь индоевропейских и средиземноморских. Наконец, в третьей главе происходит "пересечение" этих общетеоретических аспектов с материалами конкретных этнографических исследований автора в направлении истолкования церемониального использования огня. Линия европейской этнологии и фольклористики, от Фрэзера и ван Геннепа к Проппу и далее до таких современных авторов, как Кюизень и Клементе, сопоставлена с альтернативными попытками интерпретации в рамках теорий психоанализа, функционализма и структурализма и др. В конечном счете сквозь многообразие идей, связанных с огнем, и множественность его символических аспектов проступает важнейшее диалектическое двуединство: огонь разрушающий, превращающий жизнь в смерть, и огонь оплодотворяющий, делающий из неживого живое. В этом своем двойном значении огонь выступает как оператор разрушения и восстановления космоса, посредник между миром живых и миром умерших.

Мир живых и мир мертвых, роль и значение последнего для первого, причем далеко не всегда понимаемые в соответствии с канонами католического вероучения... Вот с чем сталкивается (порой весьма драматично!) этнограф, изучающий и фиксирующий календарную обрядность в ее локальных проявлениях среди сицилийского крестьянства. В книге "Мертвые и зерно. Время труда и ритмы праздника" (*I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa*) И.Э. Буттитта анализирует соотношение народной религиозности (во всем многообразии ее проявлений: костры и сбор пожертвований, процессии и "пляски" святых и, конечно же, снова и снова – обряды, связанные с зерном и хлебом) и ритуального календаря. Этот последний, по мнению автора, не связан непосредственно с природным циклом, а опосредован ритмом трудовой деятельности человека. Не-

случайно в нем выделяются не четыре сезона, а три основных фазы: октябрь–ноябрь – время сева, март–апрель – созревание хлебов, июнь – жатва. Цель и назначение ("функция-значение", по терминологии автора) этих обрядов состоит в установлении и поддержании контроля за правильным протеканием природного и производственного цикла, гарантии стабильности правильного порядка в окружающем мире. В частности, обряды осенне-зимнего периода особенно проявляют свой хтонический характер, связанный с верой в присутствие мертвых (представленных, в том числе, масками, ряжеными, нищими или детьми), что находит широкие параллели в древних европейских и средиземноморских культурах.

Вопреки господствующему мнению об отмирании в современном обществе аграрных культов и праздников, Буттитта отмечает, что они (в значительной части дохристианского происхождения и связанные с почитанием умерших предков-покровителей) сохранились на Сицилии гораздо лучше, чем это принято считать.

Причины и механизмы такого сохранения исследуются в работе "Долгая память. Символы и ритуалы народной религиозности" (*La memoria lunga. Simboli e riti della religiosità tradizionale*). Эта книга служит своеобразной антологией сюжетов и тем, изучавшихся и изучаемых автором. Отдельные главы посвящены наиболее характерным примерам разных этнографических проявлений, объединенных понятием народной религиозности: статуи святых, их необычное "поведение" во время некоторых праздников ("танцующие" и "бегающие" святые), карнавальные костры и огни на св. Антония на Сардинии и Сицилии, использование растительности в обрядах и процессии для вызывания дождя, наконец, на первый взгляд, вполне христианский комплекс обрядов Святой недели в Каулюнии (Калабрия). В книге нет заключения. Вместо ожидаемого обобщения материала и выводов автор предпочел показать факты в их разнообразии и дать тем самым читателю все данные для решения проблемы. "Не будет риторическим преувеличением сказать, что слова наших информантов очень часто оказываются значительно богаче смыслом и значением, чем наши собственные попытки обобщения", – говорит И.Э. Буттитта.

Впрочем, из всего его творчества и из постановки проблемы во введении вырисовывается определенная авторская позиция. Ожидалось, что с изменением способа производства и образа жизни целый пласт духовной культуры, целый комплекс обрядовых действий и праздников должен был уйти из быта народа. Деятельность этнографов второй половины XX в. показала иную картину: мы, порой с удивлением, наблюдаем их "упорное сохранение". Помимо верности традициям, проверенным тысячекратней практикой, можно видеть причину этого в осознанном выборе человеческого коллектива в пользу сохранения своей самости, сохранения самого себя как *communitas*. Элементы старого религиозно-символического языка приобретают новую "функцию-значение".

Работая совместно с И.Э. Буттиттой и его учениками в "поле" на Сардинии по изучению обычаев, связанных с зажжением костров в день св. Антония, мне довелось наблюдать тщательность и точность, к которой он всегда стремится в подходе к каждому этнографическому факту. Однако в его отношении справедливо то, что он сам говорит о другом современном итальянском этнологе, Пьетро Клементе: "занимаясь конкретным этнографическим явлением (костры *focarazze* в день св. Екатерины), он поднялся значительно выше толкования этого отдельного феномена, поставив проблему праздничного огня в самых широких рамках". Дальнейшая интерпретация фактов и решение проблемы осуществляется с учетом того, что "если с одной стороны очевидно, что научное исследование не может обойтись без предварительного выбора объясняющей методологической парадигмы, верно и то, что ее адекватность определяется путем постоянного возвращения к непосредственно наблюдаемой реальности". От большого объема тщательно зафиксированных этнографических фактов, через их классификацию и первичную интерпретацию, сопоставление в самом широком контексте на базе большой научной эрудиции вплоть до осмысления на высоком уровне теоретического обобщения и обратно к проверке полученных выводов фактами – таков метод работы европейских этнологов нового поколения, примером которых может служить И.Э. Буттитта.

Литература

- Пронн 1998 – Пронн В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
- Buttitta 1999 – Buttitta I.E. Le fiamme dei santi. Usi rituali del fuoco in Sicilia. Roma: Meltemi, 1999.